

Все жильцы дома номер 8 по улице Ветеранов, что на юго-западе Ленинграда, знали — в квартире 22, на третьем этаже хрущёвки, проживает настоящий тиран. И имя этой нелюдимои молодой дамочки, с вечно надменным выражением лица, самое что ни на есть обычное — Светлана Васильевна Спиридонова.

Жила она не одна, а с переспелым мужчиной, похожим на поникший холщовый мешок — скорее всего, сказывались годы, проведённые в одних стенах с малоприятной женщиной, и по всему было заметно, что полностью зависит от её непростого нрава. Пётр Алексеевич даже здоровался странно, словно извинялся, пряча близорукие глаза за толстыми стёклами очков.

Кто-то разнёс слух, что в законном браке они не состояли, просто сожительствовали, фамилии-то разные. Совсем недавно переехали на Ветеранов, и их маленькая дочка Танюша ходила в детский сад неподалёку. Соседи каждый будний день видели, как Светлана Васильевна выходила из парадной ровно в 8 утра, крепко держа Таню за руку. Отводила дочку в садик, а потом ехала в районную поликлинику, где работала гинекологом, отчего и знали её многие лично.

Всё бы ничего — странная и странная, если бы из квартиры номер 22 частенько не раздавались истеричный крик Светланы и громкий, истошный плачь её дочки и постоянное «мама, я больше так не буду!»

Всем было ясно: лупит она своего ребёнка, а за что — непонятно, хорошая девочка, тихая, с копной бело-

Золушка по-питерски

курых кудрей и, как ни странно, большими карими глазами. Одно смущало — приличный сколиоз, какая-то врождённая патология, отчего соседям вдвойне было жаль Танечку. Правда, про Петра Алексеевича ничего плохого сказать не могли, по всему было видно — в дочке своей души не чаёт и о многом не догадывается. Кто же захочет в чужую семью лезть? Сами разберутся.

Светлана выросла в неблагополучной семье тихих алкоголиков. Нет, родители не были тунеядцами и работали на Кировском заводе. Отец пил всегда, а мама пристрастилась вслед за ним. По-своему они были даже счастливы: исправно вдвоём ходили на завод и квасили вечерами. Как они ухитрялись каждый день вставать в семь утра, Свете было неизвестно. О дочери особо не пеклись — сыта, обута и слава богу.

Жили они с матерью отца, которая ещё в сорок первом к ним из Стрельны переехала, где имела маленький покосившийся домик с печным отоплением и колодцем во дворе. Света родилась летом сорок пятого. Каким-то чудом дом во время войны уцелел, и бабушка Таню на всё лето в Стрельну увозила, поила коровьим молоком из соседнего совхоза, чтобы крепенькой росла, а то больно щуплая. Бабушка хоть и из простых, но знала — надо девочке образование дать хорошее, и с малолетства книжки ей всякие читала, и по музеям таскала: «Пусть привыкает, смотрит на прекрасное, глядишь, и толк будет».

Светлана и сама к знаниям тянулась, только ненавидела всё вокруг себя: и коммуналку облезлую, и их комнатку 25-метровую на четверых в промзоне на Лиговском проспекте, и вечно осоловевшие лица пьяненьких родителей. Она и училась отлично, чтобы, упаси господи, классная не надумала домой прийти. На собраниях только бабушка присутствовала, и никто и догадаться не мог, в каких условиях ей жить приходилось.

Школу с золотой медалью окончила, в Первый мед поступила. Хотела в общагу переехать, так бабулю не оставить — ближе не было человека. Когда на третьем курсе училась, сердце бабушки остановилось — из-за сына, скорее всего. Отца один раз чуть с работы не выгнали, частенько выпивший стал выходить. Жалели, мужик-то в целом мировой и всю блокаду у станка на Кировском простоял. Света не долго с ними протянула, ушла в общагу. Стипендия есть, проживёт.

Порой ей так обидно становилось, что в неправильной семье родилась, казалось, свершилась какая-то чудовищная несправедливость, не её эта участь. В общезнании ещё девчонки попроще жили, кто откуда понаехал, и не из сильно обеспеченных. А на курсе, да и во всём меде, полно было из хороших семей. Им она сильно завидовала, и раздражали они её прилично, особенно тем, что учились посредственно. Не надо выживать, как ей! Мучительно думала, какую специализацию выбрать: стоматологию или гинекологию — только там самые подарки от пациентов. А хирургам вечно

Золушка по-питерски

бутылку коньяка прут! Света алкоголь на дух не переносила и поддатых тем более.

После института по распределению не уехала в тьмутаракань, в Ленинграде осталась, в родильный дом определили — в Снегирёвку на улице Маяковского, в самом центре. Видно, не все хорошие места по благу раздавали, и её красный диплом силу имел.

К родителям возвращаться в её планы не входило, да и виделись они редко. Сняла комнату опять же в заброшенной коммуналке с девочкой, которую знала по курсу; близки не были, но проживать совместно можно, и деньги за жильё пополам. Учёба и зубрёжка отнимали всё свободное время, пошла работать — посвободней стала, а куда податься, не знает. В её возрасте все о замужестве думают, а то и детей имеют.

Света мужикам не нравилась — холодная и не красавица. Тощая, кожа да кости! Лифчик в универмаге подобрать не могла: не делают чашечки такого размера! Приходилось в детском отделе майки мальчишеские покупать, которые начисто грудь плоской делали, словно нет её вовсе, а подкладывать что-нибудь для вида не в её правилах было: что есть, то есть.

В роддоме три года проработала, ушла в районную поликлинику. Там и встретила Петю, Петра Алексеевича. Он был лор, и лор не простой, а один из лучших, по призванию. Многие его на дом вызывали — лор в промозглом Ленинграде чуть ли не самый важный врач: все чихают да горлом страдают, особенно в межсезонье. Деньги брал, хоть и не по закону было. Женат,

но с детьми не сложилось. И на пятнадцать лет старше Светы. Супруга его, с необычным именем Летиция, служила искусствоведом в Русском музее и часто перед самым концом работы за ним заезжала. С площади Искусств до Пети рукой подать, и шли они пешком до ближайшего метро — в троллейбусах трястись не любили, — а Светлана следом, на расстоянии, не специально, получалось так. Она шла и не могла сдерживать злости, даже губы больно прикусывала. На что сдался ей этот взрослый полноватый мужчина, да ещё и несвободный?! Ей почему-то казалось, что именно он иногда смотрит на неё как-то по-особенному, заинтересованно. Скорее всего, это была его врождённая мягкость, но Светлане так думать не хотелось. Вот выделяет он её, и всё тут, просто робеет. Летиция, или просто Лютик, как он часто называл супругу, была одного с ним возраста и вовсе не красавица, если не сказать страшенькая. Света тоже не ах, но молодая и упёртая и всё сделает, на всё пойдёт, а Пётр Алексеевич её будет. Задача оказалась не из лёгких. То, что Петя может любить свою «некрасивую» жену, с которой уже столько лет бок о бок по жизни шёл, — Свете в голову не приходило. Целый год потратила, но своего добилась — всеми правдами и неправдами затащила к себе в постель. Поначалу бегала к нему как к лору за советом — что-то горло першит или насморк начинается. Песни ему хвалебные пела, в глаза с восхищением смотрела, аж дыхание задерживала. Всем своим пациентам нахваливала местного лора, а особо состоятельным советовала на дом пригла-

шать — больше пользы будет — и обязательно её отметить, что порекомендовала. Иногда вытаскивала его в обеденный перерыв в кафешку напротив и с умилением поглядывала, как тот одну за другой уплетает сдобные булочки.

Самое интересное, что никакой влюблённости у неё и в помине не было, но цель есть цель, и очень надоело в коммуналке жить. Вдвоём они быстро на ноги встанут!

И вот так, тихо-тихо, не торопясь, дошло дело до того, что в гости к себе пригласила; уже сама могла комнату оплатить и коммуналку поприличней имела — соседей вдвое меньше. Пётр на чай шёл и просто посмотреть, как сослуживица живёт, не мог отказать, уж больно зазывала. А она целый концерт закатила со слезами и заламыванием рук, словно по Станиславскому, правдоподобно, что любит и жизни своей без него не мыслит. Пётр Алексеевич сначала успокаивать бросился, а потом и сам не понял, как на её узкой железной кровати оказался, и уместился ведь со своими немалыми габаритами. На следующий день прятался от Светланы, не хотел на глаза попадаться, а что дома пережил, только ему ведомо, стыдно было невероятно.

Светочка не отступила, хоть и потеряла свою девственность без особого желания, — продолжила охоту на строптивного Петра Алексеевича. Вскоре опять случай выдался — маленький сабантуй в честь дня рождения заведующей поликлиники. Может, от пары рюмок

водки или ещё чего-то потянуло Петра на подвиги, и опять он очутился в комнатёнке у Светланы, которая предусмотрительно поменяла скрипучую железную односпальную кровать на добротную широкую тахту, хоть и заняла она почти всё пространство, и круглый стол с двумя стульями с середины комнаты перекочевал к самой стене, впритык к платяному шкафу. На этот раз чувствовала она себя поуверенней и такое вытворяла, что сама себе удивилась, какая-то чертовщина полезла, и откуда взялась! Видно, в голове сидела, выхода не находила!

Теперь Пётр Алексеевич частенько не домой после работы торопился, а к Светочке — ненадолго. Жену заранее предупреждал, чтоб с работы за ним не заезжала — задержится подхалтурить. Лютик ждала и, если бы кто-то сказал, что Пётр, её Петенька, шашни завёл на стороне, никогда бы не поверила, даже если бы своими глазами увидела, решила бы — померещилось. Она давно замечала, что ходит он как не свой, и разговоривать почти перестали, и редко когда улыбнётся, слово камень на душе какой. Расспросить хотелось, но понимала: замкнулся Петюша, надо ждать, пока сам всё расскажет. А Пётр Алексеевич молчал — не было сил смотреть на дорогую сердцу растерянную Летицию, предательство и ложь не давали покоя ни днём ни ночью.

Светлана ходила на седьмом месяце беременности, скоро в декрет, а никаких подвижек со стороны Петра

не наблюдалось. Правда, она сама решила, что рожать будет, и открылась ему, только когда три месяца исполнилось. Думала, одуреет от радости и без колебаний на развод подаст, а он так испугался! Ужас в глазах стоял, словно помер кто, аж противно стало. Не ожидала она такого поворота, но решила не давить, а поразмыслить хорошенько и придумать что-нибудь этакое, верное, стопроцентное. На заверения Петра, что всегда заботиться о ней с ребёнком будет, лишь головой кивала, старалась ненавязчивой быть и тихой, словно в жертву себя приносит. Что в поликлинике все о них судачат, ей дела не было, ходила с гордо поднятой головой. Да и не жаловали её в коллективе, считая слишком высокомерной. Даже пациентки кривились, если к ней талончик выдавали — чёрствая, слова доброго не скажет, хоть специалист и неплохой.

Света давно знала, что проживает Пётр Алексеевич со своим Лютиком на набережной канала Грибоедова в красивом старом доме и квартира у них большая и отдельная. Принадлежала она изначально родителям Летиции, отец у неё известным кардиологом был, с учёными степенями и научными трудами. Несколько лет назад отец Летиции, Соломон Маркович, неожиданно скончался. Кардиолог, а сам от сердечного приступа не уберётся, хоть и жену свою на пять лет пережил. Светлана не раз пыталась представить, как живётся Пете в таких хоромах и как там всё устроено, — не доводилось ей в богатых домах бывать. Если разводиться будет, то по закону половина им с Петей достанется, а кому ещё? Детей-то у него, слава богу,

нет, так что всё по совести вроде. От беременности своей Света приятно округлилась, и даже грудь какая-никакая появилась, чему она несказанно рада была, а животу тяжёлому не очень — не понимала она, по большому счёту, чем восторгаться — одно неудобство.

То ли гормоны в голову ударили, то ли ждать надое-ло, уличила она момент, когда на работе большое собрание устраивали, отпросилась, второпях пальто натянула, которое уже совсем с трудом застёгивалось, и поехала на канал Грибоедова правду искать — с полной уверенностью, что Лютик ненавистный уже дома, Петеньку дожидается.

Света не ошиблась, дом действительно был необычным, и по окнам видно, что почти все квартиры отдельные, скорее всего, за заслуги выдавались от государства. Внизу у лифта вахтёрша сидела и, как положено, спрашивала, к кому и в какую квартиру. Вид беременной молодой женщины совсем не насто-рожил, и она спокойно пропустила Свету и сказала, чтобы на третий этаж поднималась. В лифте стало не по себе, решение-то спонтанно пришло, даже не под-готовилась, с чего начать разговор. Что, если только рот откроет, а эта старуха её сразу с лестницы спустит?

«Не посмеет!» — убеждала себя Светлана и, как бы в доказательство, схватилась двумя руками за круглый живот и чуть не уронила сумку на мокрый от талого снега пол. Постояла пару минут у дверей, даже уйти захотелось, потом со всей силы решительно несколько